

Мотив превращения героя в калмыцких сказках на сюжетный тип АТУ 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)»

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Горяева Б. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* В фонде калмыцких волшебных сказок существует несколько вариантов на сюжетный тип АТУ 400 «Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет мужа)». В этих сказках мотив превращения героя является сюжетообразующим. В данной статье впервые в калмыцкой фольклористике рассмотрен мотив превращения на материале сказочных текстов на сюжетный тип АТУ 400, записанных и опубликованных в разное время. *Результаты.* В гендерном отношении в сказках на сюжет АТУ 400 змея представлена в мужской ипостаси. Локализуется этот персонаж на земле в срединном мире людей (заросли бурьяна, степь). Изображение чудесного супруга в образе лягушки дает его локализацию в водной стихии (море, река). При сжигании шкуры змея / лягушки супруг — представитель верхнего мира поднимается на небо в обличи желтоголового лебедя. Мотив превращения чудесного супруга показывает «легкость» трансформации змеи в птицу, в рассмотренных текстах — лебедя. Атрибутом змеи / лягушки является «золотистость», представленная в разных формах, начиная от золотого брюшка и заканчивая золотым кольцом, промежуточным звеном можно назвать золотой след, оставляемый змеем. Указанный признак показывает принадлежность иному миру и отражает связь компонентов семантического ряда «золотой — солнечный». В образе желтоголового лебедя, помимо белого цвета, который коррелирует с соляной семантикой, отмечается еще и желтый, усиливающий эту связь. **Ключевые слова:** калмыки, волшебная сказка, сюжет, чудесный супруг, мотив превращения.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 53–66. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-2-26-53-66

The Motif of the Hero's Transformation in Kalmyk Folktales of the Plot Type ATU 400 «The Man on a Quest for his Lost Wife»

*Baira B. Goryaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Goryaeva B. B., 2023

Abstract. Introduction. In the foundation of Kalmyk folktales, there are several options of the plot type ATU 400 «The Man on a Quest for His Lost Wife». In these fairy tales the motif of the hero's transformation is a plot-forming one. **Goals.** In this article, for the first time in Kalmyk folklore studies, the motif of transformation is considered in Kalmyk Folktales of the Plot Type ATU 400. **Results.** In terms of gender, in fairy tales based on the plot of AT 400, the snake is represented in a male hypostasis. This character is localized on earth in the middle world of people (thickets of weeds, steppe). The image of a wonderful spouse in the form of a frog gives its localization in the water element (sea, river). When burning the skin of a snake / frog, the spouse, a representative of the upper world, ascends to heaven in the guise of a yellow-headed swan. The motif of the transformation of a wonderful spouse shows the «ease» of the transformation of a snake into a bird, in

the considered texts — a swan. The attribute of a snake /frog is «golden», represented in various forms, starting from a golden belly and ending with a golden ring, an intermediate link can be called a golden trail left by a snake. This feature indicates belonging to another world and reflects the connection of the components of the semantic series «golden — sunny». In the image of the yellow-headed swan, in addition to the white color, which correlates with solar semantics, yellow is also noted, reinforcing this connection.

Keywords: Kalmyks, folktale, plot, magic assistant, motif of the hero's transformation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name «Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China» (state registration number: 123021300198-4).

For citation: Goryaeva B. B. The motif of the hero's transformation in Kalmyk Folktales of the Plot Type ATU 400 «The Man on a Quest for his Lost Wife». *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 2: 53–66. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-2-26-53-66

1. Введение

В устной традиции многих народов мира распространен сюжет о супруге-представителе иного мира. В калмыцкой сказочной традиции также представлен сюжетный тип ATU 400 «Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет мужа)». Младшая из ханских дочерей вступает в брак со змеем (лягушкой), который выполнил трудные задания правителя. После нарушения запрета, когда зловерные сестры сожгли змеиную шкуру супруга, он возвращается в верхний мир. Жена отправляется на поиски мужа. Вышеуказанный сюжетный тип представлен несколькими вариантами в сказочном фольклоре калмыков. Мотив превращения в рассматриваемых текстах сказок является «динамическим», так как он «изменяющий ситуацию», «движущий» (по Б. В. Томашевскому). В связи с этим в настоящей статье мы поставили целью рассмотреть мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип ATU 400 «Муж ищет исчезнувшую жену».

2. Материал исследования

Материалом исследования явились опубликованные в различных сборниках сказки на данный сюжетный тип, а также текст, хранящийся в архиве Калмыцкого научного центра РАН. В фольклорной коллекции Габора Балинта представлено пятнадцать сказочных текстов. Четвертая сказка в записи венгерского ученого представляет собой вариант сюжетного типа ATU 400 [Kalmyk Folklore 2011: 235–239; Горяева 2017: 17–19]. В четырехтомном издании «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») сказки на рассматриваемый сюжетный тип представлены в первом [Хальмг туульс 1961: 204–206] и последнем томах [Хальмг туульс 1974: 11–15]. В репертуаре сказителя Санджи Бутаева имеется сказка «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») на сюжетный тип ATU 400 [Буутан Санжин 2008: 87–93]. В архиве КалмНЦ РАН имеется самозапись сказки на данный сюжетный тип, произведенная Василием Бакаевичем Манжиковым из с. Бургуста Калмыцкой АССР (ныне — Республика Калмыкия) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 150]. В литературном сборнике «Волшебный мертвец» сказка «Имеющий птичью оболочку» соотносима с сюжетным типом ATU 400. Отличие в том, что героиня, ставшая женой белой птицы, сама сжигает птичье обличие супруга. По совету мужа она призывает душу супруга до тех пор, пока она не вселилась в птичье чучело [Волшебный мертвец 1958: 58–61].

Мотив превращения в сказках на сюжетный тип ATU 400 «Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет мужа)» ранее в калмыцкой фольклористике специально не анализировался. Мотив превращения в сказочной традиции калмыков рассматривался нами в сказках на сюжетный тип ATU 325 «Волшебник и его ученик» [Горяева 2023a] и ATU 567 «Чудесная птица» [Горяева 2023б].

3. Змей — лебедь: превращение чудесного супруга

Изучение имеющихся в нашем распоряжении сказок на рассматриваемый сюжетный тип показывает, что в большинстве случаев младшая ханская дочь выбирает в супруги змея. Наиболее ранняя запись сказки, соотносимой с сюжетным типом ATU 400,

датируется концом сентября 1871 г. – маем 1872 г. В это время Г. Балинт записал ее среди астраханских калмыков, изучая разговорный язык монгольских народов. Согласно тексту, зафиксированному исследователем, большой желтый змей не пускал домой единственную желто-пеструю корову старика и старухи. В поисках пропавшей скотины старик встречает змея и в страхе не может подойти к пеструхе. Змей успокаивает старика и говорит ему, что ночью прибудет к ним. В юрте змей поднимает напуганных и спрятавшихся за сундуком супругов, занимает их кровать. Наутро по велению змея старик идет к хану сватать его дочь за своего новоявленного сына. Хан дает согласие отдать свою дочь при условии, что он построит от дверей своего дома до ханского дворца мост из золота, серебра, меди и бронзы. По двум сторонам этого моста должны расти фрукты, чтобы всадник мог их легко доставать и есть. Еще свой дом должен превратиться в желто-пестрый дворец. Для молодых отдельно построить желто-пестрый дворец. Змей выполняет все требования хана-отца. Ханская младшая дочь становится супругой змея. После свадьбы жене, умирающей со страха, муж приказывает раскурить трубку. Заглянув под полог, девушка видит смуглого мужчину с седыми волосами *халха цаһан үстэ харулан залу*. Назавтра с золотом в виде подарка зять отправляется к хану. В это время старшие дочери хана требуют у своей младшей сестры то, что превращает ее мужа в змея. Найдя его змеиную шкуру, они сжигают ее, и мужчина, сидевший во дворце хана, исчезает. Жена отправляется на поиски мужа. По совету ламы она находит марала, который поддев ее рогами закидывает в верхний мир. На небе девушка встречается с тремя сестрами мужа. Каждая из них во время игры в шахматы, спрятав невестку, спрашивает у брата о его земной супруге. Когда младшая золовка спросила о ней у брата, то он дал положительный ответ. Ханская дочь выходит из укрытия и остается с мужем [[Kalmyk Folklore 2011: 235–239](#); [Горяева 2017: 17–19](#)].

В рассмотренной сказке мотив превращения является сюжетообразующим. Чудесный супруг ханской дочери небесного происхождения в мире людей приобретает облик желтого большого

змея. При сжигании его шкуры муж-небожитель возвращается в верхний мир. Текст в записи Г. Балинта рисует страх старика, старухи, хана и ханской дочери перед змеем.

В сказке «Моһа көвүн» («Юноша-змей») более поздней 1933 г. записи этот испуг перед змеем сменяется отвращением. Хан спрашивает у своих трех дочерей, кто из них выйдет замуж за змея, который выполнил его трудное задание: *Ик куукнь я тетэ, моһад кун оддмб? — гив. Я, тетэ, моһад кун оддмб? — гиж дундк куукнь келв. Би однав, — гиж дү эмтин бичкнь келв* 'Старшая дочь сказала: «Фу, за змея кто пойдет?». «Фу, за змея кто пойдет?» — ответила средняя дочь. «Я пойду», — сказала самая младшая' [Хальмг туульс 1961: 205].

Иное обличье приобретается юношей при одевании шкуры змея, поэтому после женитьбы он строго наказывает жене спрятать ее и отдать только в том случае, если будут угрожать жизни: *Маңдур өдртнь моһа хувлһән гергдән дүрүлэд, Хурмустан теңгрин куукдлә нааднав, — гигэд, хун хувлһән авад, хун болад, һаң һуң гигэд нисэд йовад одна. Эмән алн гихлә, эн хувлһиг өг, эс гиж куунд бичэ өг, — гив* 'Назавтра днем обличие змея дал запрягать жене, сказал, что полетит развлекаться с детьми Хурмустан тенгрия, взял обличие лебедя, превратился в лебедя, и с криком улетел. Если будешь при смерти, то отдай это обличье, иначе никому не давай, — сказал' [Хальмг туульс 1961: 205]. Когда старшие сестры разожгли камыш и стали поджаривать младшую, требуя обличие мужа, она вытащила из своего правого накосника-шивирлыка змеиную шкуру. Здесь следует отметить, что волосы женщины по традиционным представлениям воспринимались хранилищем жизненной силы супруга. После свадьбы волосы женщины делились на две косы, которые прятались в накосники из ткани, к низу которых крепились токуги как обереги от нечистой силы. При этом правая коса считалась вместилищем мужской энергии, а левая — женской.

В рассмотренной выше сказке «Моһа көвүн» («Юноша-змей») происходит смена обличия змея на лебедя. Когда змеиная кожа стгорела в огне, дымок в виде змеи поднялся вверх, и желтоголовый

лебедь, пролетая над женой, бросил свое золотое кольцо, сказав, чтобы не искала его, так как он будет жить в месте слияния неба и земли. В сказке «Меклэ дүрстэ көвүтэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном-лягушкой»), когда старшие сестры спалили лягушачью шкуру, герой обратился в желтоголового лебедя и улетел на небо. Таким образом, в представленных сказках происходит превращение змея (лягушки) в лебедя.

Т. В. Цивьян, отмечая «легкость взаимной трансформации» змеи и птицы, пишет, что отождествление змеи и птицы в ритуальных практиках «производится по контрасту: в определенном смысле птица и змея предельно противопоставлены друг другу, не похожи друг на друга» [Цивьян 2008: 236]. При этом «оказываются мифологически правомерными реальные основания, по которым змея отождествляется с птицей. Подмечаются их сходства: плоская, вытянутая голова; длинная, гибкая шея, как у гуся; блеск, гладкость, пестрота — соответственно перьев и чешуи; то, что обе они выводят потомство из яиц (здесь совпадает и терминология: одинаково обозначается жилище змеи и птицы — гнездо)» [Цивьян 2008: 239].

Лебедь как птица, принадлежащая двум стихиям: воздуху и воде, особо почитается в традиционной культуре и наделяется функцией медиатора между мирами. Уважительное отношение к лебедям у калмыков выражалось в запрете отстрела лебедей. Это обстоятельство усиливалось верой в то, что человек, убивший лебедя, потеряет свою супругу. В образе желтоголового лебедя, помимо белого цвета, который коррелирует с соляной семантикой, отмечается еще и желтый, усиливающий эту связь.

4. Образ змея в волшебной сказке калмыков на сюжет ATU 400

Исследователями отмечается, что «в фольклорной традиции калмыков образ змеи многозначен и динамичен» [Басангова 2014: 78]. В мифологии народа рога змеи воспринимаются как чудесный дар, с помощью которого можно исцелять различные нарывы, опухоли [Басангова 2014: 76].

В целом в монгольской традиции к змеям относились с большим почетом и уважением, называя их табуированным именем

хайрхан. Это обращение хайрхан подчеркивает, «что змеи относились к общим божествам, которых чтили все монгольские племена» [Дампилова, Сундуева 2020: 1169].

Кроме обличия змея чудесный супруг в калмыцких сказках на сюжетный тип АТУ 400 представляется также в образе лягушки. Сказки из репертуара сказителей Х. Салбыкова [Хальмг туульс 1974: 11–15] и С. Бутаева [Буутан Санжин 2008: 87–93] повествуют о том, что чудесный супруг имеет облик земноводного существа. В сказке «Меклэ дүрстэ көвүтэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном-лягушкой») старик со старухой живут у берега моря и живут ловлей рыбы. Однажды в сети старика попадает лягушка с золотым брюшком и серебряной головой *алтн чеежтэ, мөңгн дүрстэ меклэ* [Хальмг туульс 1974: 115]. Золотое брюшко и серебряная голова лягушки свидетельствуют о ее принадлежности «иному миру». Традиционная формула «чудесные дети», которой описан персонаж сказки, отражает связь компонентов семантического ряда «золотой — солнечный»: золотая грудь персонажа заключает в себе солнце, а серебряная часть тела — месяц. В. Я. Пропп отмечал: «все, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к другому царству» [Пропп 1986: 285].

В следующей сказке сын-лягушка уже не обладает «золотистостью», которую имеют боги, умершие и посвященные. В сказке «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») из репертуара С. Бутаева старуха, отправившись за водой на реку, в ее устье встречает лягушку, которая говорит по-человечески: *Үрн-саднь угаднь — үрн-садн болнав, ах-дү угаднь — ах-дү болнав* ‘Для тех, у кого нет детей, стану сыном, для тех, у кого нет братьев-сестер, стану братом’ [Буутан Санжин 2008: 87]. Старуха, испугавшись, бросила оземь ведро и убежала, восприняв это негативно. Реакция старика напротив является положительной, он идет к реке и приносит лягушку, которая может говорить. С появлением сына бедные старики разживаются маслом и молоком. Через семь дней усыновленная лягушка отправляет старика к хану сватать его дочь. Три дня подряд старик ездит к хану с предложением, его изрубают в куски, с мясом коровы-трех-

летки, барана кладут в ведро и отправляют домой. Сын-лягушка оживляет старика-отца и животных [Буутан Санжин 2008: 88–89].

Здесь отметим способность главного персонажа, помимо собственного перевоплощения, оживлять и превращать предметы из одних в другие. Так, когда юноша-змея выполнял трудную задачу хана, то приказал старухе принести охапку бурьяна, а старику собрать мешок комьев глины. Глину старик раскидал от дверей ханского дворца до дверей своей юрты. Старуха повтыкала ветки бурьяна по обеим сторонам глины, со словами «пусть будет тополем» воткнула стебли подлиннее у дверей дворца и у своих дверей. Наутро от ханского дворца до юрты стариков появился золотой мост, по двум сторонам которого выросли фрукты. У дверей ханского дворца вырос тополь до неба, у юрты старика и старухи тоже тополь возвышался. В приведенном фрагменте юноша-змея произносит заклинание *уласн болтха* ‘пусть будет тополем’, которое следует повторить старухе [Хальмг туульс 1961: 205].

Кроме указанного перевоплощения, оживление также входит в возможности чудесного существа из иного мира. Когда старик отправляется к хану с предложением выдать замуж дочь, его разрывают надвое, навьючивают на ездовое животное и отправляют домой. Юноша-змея переползает через тело старика и оживляет его. На следующее утро старик вновь предстает перед правителем ханства с той же просьбой. На третий день оживленный змеем после очередной смерти старик все же получил согласие хана и за сватал его дочь [Хальмг туульс 1961: 204].

Дав согласие отдать свою дочь, хан ставит условие за ночь возвести мост, по двум сторонам которого должны расти фрукты. Согласно исследованиям В. Я. Проппа, иной мир — это страна изобилия. Будущий зять хана как представитель иного мира создает изобилие в среднем мире людей, выполнив трудное задание хана. По двум сторонам золотого моста вырастают фрукты в неизмеримо огромном количестве — цаглшго, которые могут есть как всадник, так и пеший [Хальмг туульс 1961: 205].

При выполнении трудной задачи хана благодаря чудесным способностям сына-лягушки появляются золотой, серебряный мост,

сто старух, похожих на старуху-мать, сто стариков, похожих на старика-отца, сто юношей, похожих на приемного сына (*эмгнлэрн эдл зун эдл эмг авад ир, өвгнлэрн эдл зун өвг авад ир, бийнь бийлэрн эдл зун көвү дахулж иртн*) [Хальмг туульс 1974: 12]. Таким образом, мост и люди предстают самовозникшими, появившимися по волшебству.

Все условия хана осуществляются за ночь, после чего происходит свадьба. Чудесный супруг скидывает свою внешнюю оболочку и ночью принимает человеческий облик. При сжигании змеиной шкуры герой улетает в облике желтоголового лебедя со словами: *Би теңэр һазр хойрин шавилһнд оч бээх күмб!* 'Я человек, который будет жить в месте слияния неба и земли!' [Хальмг туульс 1961: 205]. Жена отправляется вслед за мужем пешком, взяв с собой железную трость в полторы сажени, обув железные башмаки (*алд делм төмр тайг, төмр хойр сөөкэ*) [Хальмг туульс 1961: 205]. Здесь следует отметить, «что обувь, посох и хлеб были те предметы, которыми некогда снабжали умерших для странствий по пути в иной мир. Железными они стали позже, символизируя долготу пути» [Пропп 1986: 49]. Трость в свою очередь в мифологии многих народов воспринимается сакральным предметом. Исследователи, изучив функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов, отмечают, что «трость со змеиной головкой играет роль универсального посредника между мирами, и посох воспринимается как «живой» мифологический персонаж» [Дампилова, Сундурева 2020: 1171].

В другом сказочном тексте также отмечается, что после того, как спалили лягушачью кожу, главный герой, превратившись в желтоголового лебедя, улетает. Жена отправляется на поиски мужа. Через несколько дней на ее пути встречается белая юрта, в которой одна женщина расчесывала волосы. Оказалось, что она сестра мужа. Досыта накормив девушку, золовка дает ей белый платок. Угощение едой в этом случае, на наш взгляд, можно воспринимать как действие, имеющее «особое значение» для отправившегося в иной мир. Так, В. Я. Пропп обнаружил, что «мотив угощения героя углой на его пути в тридцатое царство сложился на основе пред-

ставления о волшебной пище, принимаемой умершим на его пути в потусторонний мир» [Пропп 1986: 69].

5. Анализ калмыцких сказок на сюжетный тип АТУ 400

«Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)» показал, что чудесный супруг в образе змея располагается на земле. Огромный желтый змей не дает пасшейся в степи корове старика и старухи проходу в течение трех дней, так что старик отправляется на поиски своей пеструхи [Горяева 2017: 17]. В сказке «Моһа көвүн» («Юноша-змея») старик и старуха имеют черно-пестрого бычка, в качестве топлива используют бурьян. Однажды они принесли охалпку бурьяна, в котором находилась змея [Хальмг туульс 1961: 204].

Местонахождением юноши-лягушки является водная стихия. В сказке «Меклә дүрстә көвүтә эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном-лягушкой») старик, пропитанием которого была рыба, как-то поймал в сети лягушку. Три раза он закидывал невод в море, два первых раза были неудачными, на третий — попалась лягушка [Хальмг туульс 1974: 11]. В сказке «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») старуха встречает юношу-лягушку в устье реки. Услышав от нее человеческую речь, старуха, побросав ведра, убегает домой [Буутан Санжин 2008: 87].

Отметим, что главный герой в образе змея находится на суше, а юноша-лягушка в воде. Несмотря на это различие в местонахождении героев, есть общая деталь, их объединяющая. Приемными родителями героев становятся бедные старик и старуха. Это обстоятельство передается сказкой эксплицитно и имплицитно, так же как и то, что старики усыновляют героя с «нечеловеческим» обликом. Единственная желто-пестрая корова стариков — показатель бедности для кочевников-скотоводов [Горяева 2017: 17]. Использование бурьяна вместо традиционного топлива — кизяка свидетельствует об отсутствии достаточного количества коров для его создания, единственный черно-пестрый бычок не справляется с данной функцией. Крайней формой нужды в сказке представлено прошение милостыни. Из-за отсутствия возможности платить албан-подать старики живут отдельно от отока (*отгасн тесркэн баадг*).

С появлением приемного сына жизнь стариков становится привольней. Через неделю сын-змея требует от отца, чтобы он посватал за него за ханскую дочь. После чего в калмыцких сказках на сюжет АТУ 400 происходит женитьба, описание которой сходно с наблюдениями Е. М. Мелетинского: «брак совершается по строго определенным правилам брачного «обмена» (с соблюдением экзо- и эндогамии) и обставляется известными табу, имеющими временный или постоянный характер; единственный подлинно архаический сюжет, правда, очень широко распространенный и посвященный непосредственно «брачной» теме, — это сказки о чудесных (тотемных, звериных) женах, реже мужьях, потерянных в результате нарушения брачных табу и возвращенных (не всегда, впрочем) после трудных испытаний в «тотемном» царстве «тестя» [[Мелетинский](#)].

6. Заключение

Калмыцкие сказки на сюжет АТУ 400 о браке с чудесным супругом строятся на мотиве превращения. Он находит реализацию в образе героя: змея / лягушка — человек — лебедь. Чувство страха перед змеем в текстах ранней фиксации сменяется в сказках позднего времени отвращением. При этом до сегодняшнего дня в традиционной культуре калмыков отмечается почтительное отношение к змеям.

Локусы, в которые сказочное повествование помещает змея, находятся на земле. Старик встречает юношу-змея, отправившись на поиски своей пропавшей коровы. В другой сказке змея попадает в юрту стариков вместе с бурьяном, который был собран в качестве топлива. В доме юноша-змея занимает кровать стариков, располагается на правой стороне юрты. Местоположение лягушки связано с водной стихией. Сын-лягушка обнаруживается в сетях старика, закинутых в море. Приемный сын-лягушка находится также в реке, которая воспринимается границей миров.

«Золотистость» как признак принадлежности чудесного супруга иному миру обозначается через традиционную формулу,

отражающую связь компонентов семантического ряда «золотой — солнечный»: золотая грудь персонажа заключает в себе солнце, а серебряная часть тела — месяц. Использование традиционной формулы «кто без детей, сыном буду» также связано с образом героя. Усыновленный настолько бедными стариками, что они живут изолированно от общества, юноша-змея выполняет трудные задачи хана, занимающего наивысшую позицию в социальной стратификации калмыцкого общества, и женится на его дочери. Таким образом, экзогамия, отраженная в сказках на сюжетный тип АТУ 400, переходит из «горизонтальной» (по Е. М. Мелетинскому) в «вертикальную».

Чудесный супруг покидает жену при нарушении запрета. Функция вредителя в изученных сказках отведена старшим сестрам. Когда они сжигают шкуру змея / лягушки, чудесный супруг в облике желтоголового лебедя улетает, бросив свое золотое кольцо. Оставленное супруге золотое кольцо является атрибутом юноши-змея. Когда ханская дочь достигает верхнего мира, то она передает кольцо мужу и тем самым раскрывает свое присутствие.

Таким образом, можно отметить, что мотив превращения чудесного супруга в сказках на сюжетный тип АТУ 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)» показывает «легкость» трансформации змея в птицу, в рассмотренных текстах — лебедя.

Источники

- Буутан Санжин 2008 — Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Сер.: «Өвкэрин зөөр» («Сокровища предков»). На калм. и рус. яз.
- Горяева 2017 — *Горяева Б. Б.* Калмыцкие сказки в записи Габора Балинта // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 4. С. 6–32.
- Волшебный мертвец 1958 — Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. 2-е изд. М.: Вост. лит., 1958. 164 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 х.
- Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс. 4-гч боть / сост. Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип. Управления по делам изд-в, по-

лиграфии и книжной торговли Совета министров Калмыцкой АССР, 1974. 274 с.

Kalmyk Folklore 2011 — Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid – 19 Century. Philological Studies on the Basis of Gábor Bálint of Szentkatolna's Kalmyk Texts. Edited by Agnes Birtalan with the collaboration of T. G. Basangova (Bordzanova) and with the assistance of B. B. Gorjajeva. Budapest, 2011. 380 p.

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук.

Литература

Басангова 2014 — *Басангова Т. Г.* Змея в мифологии калмыков // Новые исследования Тувы. 2014. № 2. С. 75–79.

Горяева 2018 — *Горяева Б. Б.* Мотив волшебного помощника в калмыцкой сказке // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. № 5. С. 76–85.

Горяева 2023a — *Горяева Б. Б.* Мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип «Волшебник и его ученик» (АТ 325) // Новый филологический вестник. № 1 (64). 2023. С. 282–294.

Горяева 2023б — *Горяева Б. Б.* Мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип «Чудесная птица» (АТ 567) // Новый филологический вестник. 2023. № 3(66). С. 298–309.

Дампилова, Сундуева 2020 — *Дампилова Л. С., Сундуева Е. В.* Функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов // Oriental Studies. 2020. № 13 (4). С. 1167–1176.

Мелетинский — *Мелетинский Е. М.* Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // URL: <https://ruthenia.ru/folklore/meletinsky13.htm> (дата обращения 11.02.2023).

Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: изд-во Ленинградского университета, 1986. 365 с.

Цивьян 2008 — *Цивьян Т. В.* Змея — птица: к истолкованию тождества // Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн. / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 2008. С. 235–247.

ATU — *Uther H. J.* The types of international folktale: a classification and bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson / ed. staff Sabine Dinslage [et al.]. Helsinki: Suomal. tiedeakat., 2004. (FF communications / Ed. for the Folklore fellows). № 284: Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. 619 p.